

ТЕРМИНЫ ДУХОВНОГО РОДСТВА В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ

© 2019 г. И. Б. Качинская

Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1
kacza@yandex.ru

Дата поступления материала в редакцию 17 октября 2018 г.

THE SPIRITUAL KINSHIP TERMINOLOGY IN THE ARKHANGELSK DIALECTS

© 2019 Irina B. Kachinskaya

Candidate of Philological Sciences, Research Fellow at the
Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

kacza@yandex.ru

Received by Editor on October 17, 2018.

На материале говоров одного региона (Архангельского) проведено исследование терминов духовного родства, т.е. родства, возникающего между участниками обряда крещения. Приводится инвентарь терминов, куда вошли как термины общерусские (*крёстный, крестник*), так и собственно диалектные (*божатка*). Появление новых слов может быть связано с процессом словообразования, с употреблением различных суффиксов (*крёстнушка*), с фонемными вариациями (*хрёстна*), с грамматическими вариантами, связанными с типами склонения или с субстантивацией — регулярным переходом прилагательных в существительное (*крестовый*). Кроме того, субстантивированное прилагательное может терять адъективное склонение, превращаясь в новое существительное (*хрёстна, у хрёстны*).

Часто в качестве терминов духовного родства используются термины кровного родства (*мать, отец, родители, дочь, сын*). Особое внимание уделено пересечениям значений кровного и духовного родства, основанного на совмещении функций у одного и того же лица, когда, например, родная тетка (сестра) являлась крестной матерью. При выборе между тем, как именно ребенку (а потом и взрослому) называть своего восприемника-родственника, преимущество, как правило, отдается термину духовного (а не кровного) родства.

Показана роль крёстных родителей: во время обряда крещения, во время свадьбы, в процессе жизни крестника. Приводятся примеры переносных значений, возникающих у терминов духовного родства. Отмечается использование терминов, связанных с крещением, в номинации и в обращении как для человеческого сообщества (*крещёные, православные*), так и для отдельных лиц (*божонный, молёный, умоленный, христовый*).

The study of the terms used to denote spiritual kinship, *i.e.* the relationship arising between the participants in the baptism rite, has been carried out on the basis of the dialects of one region (Arkhangelsk). The terms inventory includes both the general Russian terms (godfather, godson) and the dialectal ones (*божатка*). The words-coinage follows the usual process of word formation, with the help of various suffixes (*krestnushka, крёстнушка*), phonemic variations (*хрёстна*), grammatical variants associated with the types of declination or substantivization — the regular transition of adjectives into a noun (*крестовый*). In addition, the substantivized adjective can lose adjectival declination, while turning into a new noun (*хрёстна, у хрёстны*).

Often the terms of consanguinity (*mother, father, parents, daughter, son*) are used as the terms of spiritual kinship. Particular attention is paid to the overlappings of the consanguinity and spiritual kinship meanings, when, for instance, one and the same person turns out to be an aunt (or sister) and the godmother at the same time. When addressing this person, a related child (and then an adult) would prefer a spiritual-kinship name (over that by consanguinity).

The role of the godparents is considered during the rite of baptism, at the wedding, and overall in the life of a godchild. There are given some examples of figurative functioning of the spiritual kinship terminology. The use of baptism-related terms is noted in relation to nominating and addressing both the community (*baptized, orthodox*) and individuals (*божонный, молённый, умоленный, христовый*).

Ключевые слова: термины родства, термины духовного родства, обряд крещения, архангельские говоры, северные говоры, русская диалектология.

Key words: kinship terminology, spiritual kinship terminology, the rite of Baptism, Russian Dialectology, Northern dialects.

DOI: 10.31857/S241377150003925-0

1. Инвентарь терминов духовного родства. К терминам духовного родства мы относим термины, называющие участников обряда крещения. Это родители младенца (если крестят младенца), сам ребенок и его восприемники, так наз. *духовные родители*. В общерусском языке восприемники называются *крёстными родителями*, в зависимости от гендерных соответствий различают *крёстную мать* и *крёстного отца*, крещеный ребенок оказывается их *крёстным сыном* (*крестником*) или *крёстной дочерью* (*крестницей*). Духовные родители и по отношению друг к другу, и по отношению к “биологическим” родителям становятся кумовьями и, соответственно полу, кумом и кумой.

В архангельских говорах для номинации группы людей, объединенных “духовным” родством, наряду с общерусскими словами используются многочисленные дериваты от корня *крест-/крещ-* (*хрест-/хрещ-*). Появление новых слов связано с процессом словообразования: с употреблением различных суффиксов (*крестовый, крестненькая, крестенька, крёстнушка*), с субстантивацией — регулярным переходом прилагательных в существительное (*крёстная, крестовая, крёстный, крестовый*), с грамматическими вариациями (*крестный отец — крестовушка и крестовушко*), с фонетическими явлениями (диссимиляцией, когда [кр] > [хр]: *хрестник, хрёстна, хрестовой*). Для номинации крёстных отца и матери используются и собственно диалектные лексемы с корнем *бож-* и нек. др. Крёстная мать: *божатка, божата, божаточка, божатиха, боженька, божачка и кока, кокушка*; крёстный отец — *божат, божатушко и коко*: *Две девки держали — меж собой были кумушками, а ребёнка — божатки. А крёстну мать иногда называют божаткой. Хрёстную называли раньше ко́ка, а хрёстнова — ко́ко. Ко́кой звали, значит, крёстна. А ишио ко́кушка ему будёт, хрёстна. Олимпиады дочери ко́ка Ася, а у нас хрёстна. Хрёстный так же ко́ко. А это малыньки какие зовут так. Больши-то за хрёстно зовут.* Инвентарь терминов,

называющих восприемников и их крестника, см. также в [1]; [2].

В северной деревне в момент обряда крещения количество участников обычно не превышало пяти-шести человек: помимо священника, были задействованы ребенок, его родители и восприемники (крёстный отец и крёстная мать). У девочек часто была лишь крёстная мать, у мальчика — крёстный отец: *Как парень — так хрёстный, а девка — так хрёстненька. Как девка, так можно и без крёстóвого. А если мальчика крестили, мужчину брали, божат он, крестовый. Если ты приняла ребёнка, ты крёстна будешь, а если мужчина, то крестовый.* Но бывало и по несколько крестных: *Кому нать, так ставит крёстну мать и отца. Крестовой на руках дёржит, а крёстовая тоже есть.* Для девочки мужчина-крестный был необязателен: *Хрёстных у мя две, а хрёстного ни одного нет. Когда крестил, то две девушки были, а если мальчик, то девушка и мальчик. Она божатка, а он хрёстный.* Количество крёстных могло не ограничиваться: *Три божатки было.* Если крёстных несколько, одна из них могла считаться старшей: *На руки подаю божатке старшой.*

Девочка в отношении к своим крёстным родителям называлась *крестница, кресенка, крестника* (крёстника), *крестничка, крестовка, крёстная дочь, вторая дочь*; мальчик — *крестник, крестничек, крёстный сын*: *У мамы хрестник женился, мама крёстненька была. Хрестник бегают да племянники бегают. Кумоцька-то семья, хрестник да хрестница. Крестница — это когда родится, ходят крестить-то в церковь, я вот и пошла крестить. Теперь-то ей живой нету, тоже мне племянница была, хрестница. Жёнка-то крёстница мне. Она деду Семёну крестовка.*

Если у детей была одна и та же крёстная мать, то по отношению друг к другу они назывались *крестовыми*: *Крестовая она мне, одна божатка держит дак. У меня да у тебя одна божатка — крестова.* Но так же назывались и крестник или крестница по

отношению к детям своего восприемника (*крестовый, крестовка, крестовушка*): Помню, что отец многих мужиков называл **крестовый**. У нас у отца много мужиков было, **крестова** называли. У нас Данило-то Савин маму божаткой звал, а нас **крестовыма, крестовками**. Всех нас звал “**крестовки**”. А мы ёго тожо “**крестовой**”. А мы-то в девках **крестовыми** звались. Мне **крестовушка** будёт, папа наш был ей хрёстной, а мы **крестовушки**, всё **крестовушками** звали. У нас татушка, ему (отцу) крестник, так мы называли **крестовушка**.

Крёстная мать в отношении к крестному отцу и родителям крестника — кума, кумища, кумка, кумонька, кумушка, крестовая кумушка, крестный отец — кум, куманёк, кумок, кумачёк, крестовой кум: А хрёстной да божатка звали друг друга **кум да кума**. Мы вот дёржали с одной женщиной, мы **кумушки** с ней. Суседья, **кум крестовый** был кому-то. Уж не ходи, моя подруженька, да ты **крестова** моя **кумушка**. Восприемники по отношению к биологическим родителям (и наоборот) — кумовья, кумы, собир. кумота: И он век свой маму **кумой** звал — стоял в божатах дак. Божатка — хрёстна, а он — крестовый. А родители еговы эту хрёстну зовут **кум да кума**. Стоят кумовья: кум да кумушка, хрёстной и хрёстна. **Кумота** ихна приносила ведро.

Термины духовного родства используются в пословицах, особенно “повезло” в этом смысле куме. Так как в деревне практически все жители связаны друг с другом кровным родством, свойством и духовным родством, то лексема кума может означать любую женщину как таковую, а лексема кум — мужчину: **Кума с неци пала — куме легче стало**. Пояснение: А раз приказала не мыть, я ницего и делать не буду. В ситуации, когда пришли неожиданные гости: Это что сегодня такое: **кум да кума сидят**? О скупой хозяйке: **Передай, кумушка, девяту шанёжку, я ведь не считаю**. (Жить) (как) кум королю — ‘жить очень хорошо’: **Нас три жили вдовицы, как кум королю**. Ты из Северодвинска приехал — **кум королю**. А теперь — теперь одни осколки остались. Он был учителем, а теперь работает в налоговой инспекции и живёт, **как кум королю**. О том, каков человек на самом деле: **Видно куму в розогинном ряду!** Пояснение: Что она grit так, а на самом деле другока.

2. Перенос на духовное родство терминов кровного родства. И в общерусском языке, и в говорах участников обряда крещения часто именуют с помощью терминов кровного родства: восприемники — **крёстные отец и мать**, их крестники — **крёстные сын и дочь**. Восприемники оказываются **вторыми родителями**: **Вторые родители** назывались божатка и хрёстный. Кум да кума — как **втора мать**, хрёстна

да хрёстной будут иччитаться. Хрёстной да божатка — **втора мать**. Божатка — это хрёстна, божатка, говорят, **вторая мати**.

Крёстные мать и отец называются также **наречённые** или **названные родители**: Божатка — в семье говорят, а теперь — **наречёные родители**. У меня мама, у меня **названная мама**, божатоцька, они кумы. Подружки там, божаточка — это **названная мать**, всё они переодевают (невесту). При этом богоданными родителями называют не крёстных, а родителей по браку: свёкра и свекровь.

Крестница — **вторая дочь**: Возьми, говорю, ты как **втора доць** — хрестница. Возьми (платок), на головы не бывал, — она ведь хрестница, **вторая доць**. Адъектив **второй** — обязательный элемент данного словосочетания, получающего значение фразеологизма: у информантки две родных дочери и несколько крестниц.

В функции номинации крёстных родителей и в обращении к ним часто выступают словосочетания, в которых в качестве адъектива используются прилагательные **крёстный, крестовой**, а в качестве ведущего существительного чаще всего слова со значением ‘мать’: **крестовая (крёстная) мать** (мама, мати, мать, матенка, матушка) и соответственно **крестовой (крёстной) отец**: **Крёстну мать**, котора из купели вынимает, дак раньше божаткой называли. По-ранешному всё **крестова матенка**, а звали божатка. Божатка-то — **мама крестова**. Раньше **крестовый отец**, он принимал от купели. В фольклоре: Уж как третий поклон я положу уж за **крёстну за матеньку**, за крестовую за божаточку.

При обозначении крёстных родителей может использоваться адъектив **родной (родимый)**, часто употребляемый и при обозначении родных отца и матери: **Крёстна даваеци родна**. Приехали две божатки — **которы дёржали, те родны божатки**, купельню купат, дёржат. **Родима возжатушка**, ты почто приходила?

Словосочетания с компонентом **крёстный, крестовый** не фиксируются в обращении, но только в номинации. С другой стороны, и в обращении, и в номинации эти лексемы постоянно употребляются в качестве субстантиватов: **А крестова** — раньше крестили ребят, дак **крестова** над купелью держала. Крестная мать есть, или просто **крестовая**. **Крестовый** — крёстный отец, а женщина — **крестова**. Субстантивы могут сопровождаться адъективом: **Она купельна крёстненькая** Гальки, и мы теперь с ей вместе.

Субстантивированное прилагательное может терять адъективное склонение, превращаясь в новое

существительное: *крёстная мать* > *крёстная* > *крёсна* (*хрёсна*). *Кака же тебе хрёсна, ты, грю, дорогу не знаешь ко хрёсне. Ты приходила ко хрёсне-то? Вон у хрёсны ворота полы. Жил у хрёсны сын.* В архангельских говорах и субстантивация, и “вторичная субстантивация” — живой процесс, слово может иметь две парадигмы склонения одновременно (у *хрёстной* и у *хрёсны*).

Достаточно часто в номинации используется второй член словосочетания, выступая уже как самостоятельная однословная единица, без атрибутивного сопровождения. Крёстная мать — *матушка, мамка, мама: Кто у тебя матушкой был? Мы раньше матушкой называли. Крёстну дак матушкой звали. Матушка, так раньше звали крёстенкую. А матушка возле невесты сидит. Матушка и подружки ведут невесту к столу. Кто звал матушкой, кто мамкой — это крёсна. Кум да кума: крёстный да матушка-то. А крёстного — крёстным (называли), а ей — матушка.*

Для обращения к *крёстной матери* в пределах одного говора есть тенденция использовать иную лексему, нежели для обращения к родной — так же, как это происходит в случае со свойственниками: свекровью, свёкром, тещей (см. [3, с. 222–225]). Т.е. если родную мать называют *мамой, мамкой, маткой*, то свекровь — *матушкой, маменькой, мамашей*. Если родной отец — *тата, тятя*, то свёкор — *батушка, татушка*. Таким образом, с одной стороны, происходит сближение *матери* и *второй матери*, т.е. совпадает номинация родной матери и крёстной, с другой стороны, наблюдается тенденция к различению, распределению лексем. Среди характерных для говора наименований отца (*тата, тятя, батя, батюшка, папа*) значение ‘крёстный отец’ встретилось лишь у лексемы *отец*.

Другие термины кровного родства также могли использоваться для обозначения духовного родства. Так, в Мезенском (дд. Бычье, Дорогорское, Кимжа, Совполье) и Виноградовском районах (д. Борок) крёстную мать называли *батя, батька, батюшка: Батька — крёсна, значит, она мне, женщина батька, а мужчина крёстной. Тебя вот я дёржала, крестила, дак я божатка, а то батькой зовут, батькой и хрёстной. Хто батя, а хто божатка, а хто хрёсна (называет). А “батька” иш повадятся звать, а нать “божатка”, а нонь “хрёсна” нать звать. Батька гостинец послала: две конфетинь. Зойка батьке дала, я ведь ей батька. Фцера ходила к батю в гости. Батя, батька — божаточка. Ну просто к ней обращаешься к ней — батька. Сокращённо божаточка. Ей батя Светлана купила. Мне дала колач да печенюшку батя-та Женя. Батюшка родимая стала умирать.*

Встретилась и *крёстная бабушка* — по-видимому, крёстная мать в пожилом возрасте: *И хрёстной-то бабушке-то и пособляет.* Но вполне возможно, речь идет о женщине, которая крестила младенца: в отсутствии священника в северной деревне был обычай крестить *бабушками*. Особенно характерно это было для Пинеги, где еще в недавнем прошлом сохранялась *старая вера*, старообрядчество: *Бабушки тожо крещают, иконку положат в воду да слова (молитвы) знают. Боле бабки-то крещали ходили, умели, знали да. Бабушка-то крестила, дак ишывается половинно крещиэние.* Крещение считалось половинным, потому что не было миропомазания.

В качестве *крёстных матерей* особенно часто выступали *тётки* (обычно младшие сестры матери или отца) или старшие *сестры* младенца: *А мне была тётка божатка моя. А тётя Павла была мне хрёстненька. Ребят много — тётей да хрёстной зовут. Она мне сестра родна, дак и хрёсна мати. У нас больше-то всё свои, у меня вот сестра божатка. Она тринадцать годов меня старе. В качестве крёстного отца мог выступать дядя или старший брат: Крестовый мне — мамы брат родной. Мне-ка хрёстной — мамы брат. Он мне брат и крёстный. Он-то крестовушко моё дорогое, крестовой брат.*

С противоположной стороны: *Мне крестница и братова девка* (т.е. племянница от брата). *У меня-то два брата, их кстили (крестили), я дёржала, я им хрёсна. Лида хрестница и двоюродница.*

При выборе между тем, как именно ребенку (а потом и взрослому) называть своего восприемника-родственника, преимущество, как правило, отдается термину духовного (а не кровного) родства: *Он говорит, я тебе не дедушко, а я тебе крестовый, твой отец хрёстный. Она меня тёткой бы должна звать, да она-то хрёстной зовёт, хрёсна я ей. Хрёстной я ей и звала, никогда тёткой Ньюшой, а “крёсна”. Впрочем, случается и наоборот: Я не звала её божаткой, всё тётя. Первоначальное значение термина братка из примеров ясно не вполне: это могла быть двоюродная сестра или жена брата: Я ездила к евонной братке в Ярославь. Братка-то худо жыла. Из беседы с одним из информантов известно, что родственница являлась также её крёстной матерью: Братка мне была, за братом за моим. У меня душа-то закипела, я пришла, братке сказала: Братка, зовёт на Березник (муж).*

Если родственников не было, в качестве восприемников могли выступать священник и его жена: *Попадья была божатка, а поп — крёстной. Широко известны былички и легенды, когда бедная семья в крёстные звала первого встречного человека, странника: Опосле нашёл хрёстного стретного стречать. Зовите хрёстного стретного — хто*

стретитсе. Впоследствии оказывалось, что этот крёстный был святым, он помогал своему крестнику и его семье.

Бликие родственники настолько регулярно выступали восприемниками, что смешение функций кровного и духовного родства провоцировало взаимозамену терминов. Например, лексемы, имеющие протозначение 'крёстная мать' (*божата, божатка, хрёстная, кока*), иногда использовались и для обозначения 'тётки', а *божат* (*хрёстный*) — для 'дяди': *У нас родная тётка называли божата. Божат был дядя, наутил меня, как багрить, — выбагрила. У меня на Якушевской Степанида, у её муж был моей мамы родной брат, ак, например, мы их звали хрёстный да божатка, не знаю, почто звали. С детства сказали, что хрёстный да божатка. Я сначала думала, что божатка — это как хрёстна, обычно когда крестят, так это хрёстны бывают, да я некрещёна была.* Значения крёстной (восприемницы, крёстной матери) и божатки (родной тетки) могут расподобляться: *Мамина сестра, я ей племянница, а она мне божатка. Крёстна — это котора крестила, а божатка — я считаюсь ейна племянница. Божатка — отцу сестра моему, Устинья, я так и звала е — божатка.* В последнем случае уточнялось, что сестра отца не была ее крёстной матерью.

Духовное родство может возникать не только в результате обряда крещения, но и в некоторых других случаях — например, когда близкие друзья менялись нательными крестиками: *Крестный брат, а иногда так называют один другого вслед<ствии> обмена крестами* (запись попа Ивановского в д. Нокола Кагопольского р-на Архангельской обл., 1851 год). То же в случае, когда один человек отдаёт другому свою кровь на переливание — т.е. происходит диффузия значений кровные и крестовые братья: *Крестовой брат* вот и у Олёшки есть (одному сделали переливание крови другого, не родственника).

3. Функции крёстных родителей. Функции крёстных родителей в северной деревне не ограничиваются собственно крещением. Крёстные принимают активное участие в воспитательном процессе в течение жизни своего крестника. Они дарят друг другу подарки: *Когда на день рождени, и нынче хрёстный и хрёстна хрестнику подарок покупают. Она на всю жизнь божатка, она должна дарить цего-нибудь. Так и ждём, цего божатка подарит. К тебе божатушка пришла, яицько принесла. Божатка — это крёстная мать, на Паску к ней ходят, и она должна была яйцом подарить. А крестовой отец, крестовушко, должен ботинки купить. Да сходи, дикуша, сходи, не бойся, божатка гостинца какого даст. Я говорю: Крестовушка, ты мне решишь*

задачки? Я помню, ходила к божатке с пирогами, она скажет: “Хрищенка пришла”. Крестову нать обязательно принести на принос ботинки.

Если человек заблудился в лесу, надо просить помощи у недавно умершего близкого покойника, в том числе у крёстных родителей: *Божата, выведи ты меня на дорожку, божатушка, царство тебе небесно!*

Крёстные могут заменять родителей в случае их смерти: *Если родители погибли, хрёстные помогают оставшим детям. Хрёстна росила, без отца, без матери осталася. А это когда ребёнок родитсе, крестят его в церкви, и тот мужчына, который держит робёнка, как поп крестит, и женичына — вот и называют божаткой ли крёстная мама, крёстной папа, или божатка.* Бывает так, что своя родная мать умрёт, и вот этой разрешают усыновлять этого робёнка, без всякой волокиты. *Божатка считается, что мать. Что мать, что эти божатки, три божатки были у меня. Нет, у меня и так четыре крестници, я больше не буду никого держать, это ведь большое дело — божатка. Божатка больше матери.*

Крёстному доверяют процесс “перерождения” больного ребенка (умирающему младенцу могли устраивать символические вторичные роды, протаскивая через яму в земле, через дупло или развилку дерева, *перепекая* в печи и проч.; см. [2]). В нашем примере больного ребенка символически “продают” крёстному: *Крестовый брат, крёстный. Он меня купил. Митя, купи Наташку, чтоб не болеть.*

Крёстные играют большую роль во время свадьбы: именно они выступают на свадьбе в качестве посажёных отца и матери, т.е. вновь замещают настоящих родителей: *Раньше на свадьбы возле невесты божатка сидела, а возле жениха — крёстный. У невесты стоит крёстной, а у жениха — крёстненька. Невесты хрёстна есть, хрёстна с имá идёт, наместо матери. Хрёстный отец как посажёный отец. Сейчас хрёстный отец, он свадьбу ведёт. Хрёстной с женихом едет. Поп венчает, венци накладывает, сбоку стоит божатка у невесты, а у жениха — божат, хрёстный стоят. Божатка женихова венчиком дорогу пропахиват (метёт). Я пошла (замуж), так рядом божатка сидела, за божаткой сидели подружки. Кушайте, крёстнушка, кушайте, пожалуйста, на имя на отчество, кушайте, божатушка, кушайте, пожалуйста, — на имя, на очество, так всех козырала невеста.*

Интерференция функций, связанных со свадьбой, вновь порождает смешение терминов: женщина регистратор браков в сельсовете тоже оказывается божаткой: *Божатка — кто в сельсовете, кто записывает.* Происходит диффузия и в номинации,

и, по-видимому, в функциях *посажёного отца* и *тысяцкого*: *И тут крёстной, ешио тысячкой всё раньше называли. Тысячкой — крёстной у жениха. Сваха первая, да божаткой зовёт, а тысячкой-то хрёстной. Тысячкой — это возле жениха, хрёстной, а у невесты — божаточка. У жениха хрёстной, он тысячкой*. Т.е. крёстный оказывается и посажёным отцом, и тысяцким.

4. Переносные значения у терминов духовного родства. Термины родства относятся к группе коннотативной лексики, обладают возможностями интервенции, проникновения от протозначения в другие области, где они приобретают новые значения (см., например, [4, с. 7–22]; [5]). Эти термины проецируются на “внешний” мир: они регулярно встречаются в названиях растений (*мать-и-мачеха*), в абстрактных понятиях (*лень-матушка, правда-матка*), в названии предметов; используются как антропонимы и микротопонимы, оказываются междометиями или входят в их состав (*батюшки! батюшки мои!*). Экстраполяция, характерная для терминов кровного родства, встречается и среди терминов духовного родства. Области, куда движутся переносы, те же, что и для терминов кровного родства: животный мир, растительный, предметный. Имеются присловья, в которых птица ворона оказывается *кумой*, а галка — *крестницей*: *Ага, ворона кума. Ворона — кума, галка — хрестница, с тобой ровесница*. Разные части растущего гороха — цветок, стручок, стебель, а также все они вместе (помимо собственно горошин) называются *кумка, кумочка, кумушка, кума*: *Кумка процветёт и образуется струцёк, вот поцему кумка. Кумки — цветок гороха. Такие зелёны кумоцьки. Кумушки у гороху*. С.А. Мызников считает слова *кумушка, кумка* в этом значении прибалтийско-финскими заимствованиями [6, с. 151]; [7, с. 119]. Однокоренные лексемы *кумыш, кумышок*, по-видимому, тоже имеющие финно-угорское происхождение, значат ‘ком (комочек) глины (теста)’ [8, с. 88–89]. Круговорот в реке называется *кумовой водой*: *Круговорот зовут, кругом вода ходит, кумова вода*. В обстоятельной статье Е.Л. Березович, рассмотревшей (в основном) восточнославянский ареал, приведен богатый материал на “кумление”, проявляющийся в лексике речного ландшафта. Лексемы с корнем *кум-* означают ‘место встречи течений’, ‘обратное течение реки у берега; водоворот в реке, озере, море’ [9, с. 52]; [10, с. 250–251]. Даже если изначально в этом значении лексема *кум* этимологически могла быть связана с тюркск. *кум* ‘песок’, то впоследствии её значение, по-видимому, было переосмыслено с точки зрения терминов родства. Хотя *кумушка* и *кумочка* у гороха по

отношению к терминам духовного родства, вероятно, рассматриваются носителями как омонимы.

С терминами духовного родства, возможно, связано прозвище *Кока*: *Митя-Кока*. Одно из значений лексемы *кока* — ‘крёстная мать’ или ‘крёстный отец’. Кроме того, *кока* — это ‘яйцо’, а также ‘цыплёнок’, ‘курочка’, ‘петушок’. Поэтому мотивация прозвища весьма размытая. *Старая кока* — девушка, женщина, не вышедшая замуж, старая дева: *Стара кока, если замуж не выйдет. Стары коки злы. Дева-то стара кока — которая родила-то (вне брака). Стары коки — старая дева. О, она стара кока! В ихном роду всё стары коки*.

Термины духовного родства переходят и в междометия: *Ой, судари-божатка, что сделалось! Ой-ой-ой, судари-божатка!*

5. Крещёный мир. Духовное родство объединяет не только родственников одной большой семьи или членов разных семей через кумовство. Оно объединяло нацию и — шире — весь мир. На территории русского Севера исторически количество конфессий было весьма ограниченным: старообрядцы могли противопоставляться “мирским”: *Мы называлисе мирски ле как ле, а они старой веры, бабушка была старроверка*. С 30-х годов XX века любая вера находилась под жестким запретом: *Тоже к вере-то не особо, не имела тако, как сказать. Раньше воспитывали нас неверующими. У нас после революции церкви убрали все, сломали. И вообще верить это, ну, не разрешали никому. Противопоставление мирских и старообрядцев во многих деревнях стало весьма условным: человек всю жизнь мог жить в миру, а под старость обращаться к старой вере: У нас здесь, в принципе, не было таково разделения на нову веру, стару. Мама старроверка была, а как замуж вышла, отпадша стала, а потом опять в стару веру вернулась. Она перешла потом обратно в стару веру, в молебный дом ходила молиться, а партийцы запрещали. Или перед смертью ходили в стару веру — посылают в стару веру старых людей. И мама не ходила в стару веру — верой не спасёся, надо людям уважать, я не пойду никуда. Дедушка их переводил в свою веру, и на отдельном кладбище их хоронили. И мама в синяк (синий сарафан) хоронена, она ушла в стару веру*. “Мирские” и староверы вполне могли уживаться в одной семье.

Лексемы *крещёный, православный* имеют конкретное значение ‘человек, получивший крещение, православный христианин’: *И я крещёная, купаная. Один не крещёной, последней парень-то. Я крещчона, миром мазана, у меня ешчо две были крёстные: в купели купали — хрёстна, миром мазала — втора*.

Крещеным противопоставлены некрещёные, нехристи, еретики: Половина некрещёных, а все с крестами, нехристи, ходят. Теперь мы нехристи, дак нам и всё ладно. Еретики называли тех людей, кто церковь ворочал (ломал). В то же время нехрист, еретик и проч. — это бранные слова, не имеющие отношения к конфессии: У нас бабуся, мамина-то мать: ох вы нехристи! — нас ругает. Зачем вам дом, как здесь места хватит всем, у, еретики, дом купили в Вологде! Эти же слова используют как бранные в отношении к животным — скоту, к вредным насекомым: Бывают такие коровы, что будаются, такие нехристи! Тот наш де-ле пришёл (теленки). Нехря! Иди ешь, засранец, не будися, еретик! Будётся, не даст убрать. Не скоро их (мух) задавишь, еретиков!

В то же время крещёными, православными называют любых людей, вне зависимости от вероисповедания: Наа людям-то крещионым поставит сено. Вот линуло, крещёных прогонило с сенокосу, и всё. Сколько хлеба было у крещионых, всё своё. Кое-каки крещёны тряпок надавали. Где тебя леший носит, все крещионы давно пришли! Охтимне, что поделаешь, не приведи бог никому крещионому таку жись. Надо хлеб брать, ведь голодом не будут крещионы сидеть. А худо это болеть, беда, не приведи бог никому крещионому. Кормят, кто-то православный нарабливает. В 27-м году дом сожгли православны, дом был пятиященый. Праздники-то они везде, где православный мир живёт. Хоть я бы одна пострадала, да православны не пострадали.

Упоминание крещёных, православных еще совсем недавно было широко распространено в обращении к любому человеку, как правило, неродственнику, или к сообществу: Поешьте, крещёны, тёплых рыбников. Хлебайте, крещёны, все. Живите, крещёны, всем всево хватит. Ой, не врите вы, не обделяйте, православны! (о наименованиях человеческого сообщества, в том числе о лексемах крещёный, православный, см. [11, с. 155–156]).

Обязательно было упоминание крещёных в формуле приветствия: Раньше не говорили “Здравствуйте”, а под порогом говорили: “Все крещионы!” Али встретят ково, так “Все крещионы” говорят. Заходя, Богу покланяются: Здравствуйте, крещёные! И здоровались: Здравствуйте, крещёные! То же при вопросе о том, кто стучится в дверь, кто идет — когда речь заходит о “чужих”, путниках: У ворот мало ли кто колотится, мама спрашива: “Хто крещионой?” Хто там крещионой? — спрашивает. Кто то крещёной у нас колотится?

В качестве ласкового обращения и ласковой номинации используются адективы и субстантиваты божонный (бажонный), молёный, умолёный, христовый

и их дериваты: А детушек божонных у меня убили. Бажонный, дитячко бажонное — несмышлёный ребёнок значит, желанный, милый. И он, божонной, покаялся перед смертью. Ты не плачь, дочь божонная! Божонные вы мои детушки! Там Дмитрева (деревня) — там молёные, как ни послушам, всё молёные, где кака мода. Нас бажонные называли. Нинушка, молёная моя, жданушко. У нас молёно говорят, а в Квазиньге — мезонька. Молёна — это ласковое слово, в их деревне, а у нас — мезонька, желаннушка, ягодка, ребёнка так называли. Молёна — хорошая, ой, моя молёная! Поешь, молёно. Здорово-те, умолёны. Волшебного цёгбо-то (заколдованную вещь) насыпали умолёны. Ой, моё жданое, ой, моё христовое! Ой вы мои жданные, ой вы мои христовые! Ой ты, христовой Феденька! Давай до свиданья, Ленушка христовая, до свиданья, милая, попутника тебе хорошево. Ой, христовые детушки, дай вам Господи добра, здоровья. Ой, мои-ти христы-ти, хрестовенький!

Иллюстрации взяты из вышедших выпусков “Архангельского областного словаря” [12], его богатейшей картотеки [13] и собственных полевых записей автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коконова А. Б. Обряд крещения младенца (на материале архангельских говоров) // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сб. науч. трудов. Ч. 7. Вологда, 2011. С. 180–185.
2. Коконова А. Б. Рождение и смерть в пространстве диалекта. Дисс. ... канд. филол. наук. М., МГУ, 2011.
3. Качинская И. Б. Свекровь и теща: термины свойства в архангельских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 14. СПб., 2015. С. 218–233.
4. Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре. М., 2009. С. 7–22.
5. Качинская И. Б. Термины родства и языковая картина мира. М., 2018.
6. Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах северо-запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. С.-Пб., 2004.
7. Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров северо-запада. СПб., 2003.
8. Качинская И. Б. Термины родства и растительный мир (по материалам архангельских говоров) // Севернорусские говоры. Вып. 12, 2012. С. 83–96.
9. Березович Е. Л. В кустах ручей целуется с рекою... (“семейные” образы в лексике речного

- ландшафта) // Слова. Концепты. Мифы (Лексикология, этимология, диалектология). М., 2010. С. 47–54.
10. Березович Е.Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.
 11. Качинская И.Б. Наименование человеческого сообщества в архангельских говорах: *народ, люди, человеки, крещёные...* // Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности: Материалы Международной научной конференции, проходившей при поддержке РГНФ (19–22 сентября 2014 года) / под ред. В.М. Грязновой. Ставрополь, 2014. С. 147–157.
 12. Архангельский областной словарь. 1–19–. М., 1980–2018–.
 13. Картоотека “Архангельского областного словаря”, М., МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, каф. русского языка.
 4. Tolstaja, S.M. Category of Kinship in Ethnolinguistic Perspective (Preface). *Category of Kinship in Language and Culture*. Moscow, 2009. P. 7–22. (In Russ.)
 5. Kachinskaya, I. The Kinship Terms and Linguistic Picture of the World. Moscow, Indrik Publ., 2018. 288 p. (In Russ.)
 6. Myznikov, S.A. The Vocabulary of Finno-Ugric Origin in the Russian North-West Dialects. Etymological and Linguistic and Geographical Analysis. St. Petersburg, 2004. (In Russ.)
 7. Myznikov, S.A. Atlas of Substrate and Borrowed Vocabulary of Russian North-West Dialects. St. Petersburg, 2003. (In Russ.)
 8. Kachinskaya, I. The Kinship Terms and Flora in the Arkhangelsk Region Dialects. *North Russian Dialects. Iss. 12*. 2012. P. 83–96. (In Russ.)
 9. Berezovich, E.L. The Kinship Images in River Landscape Lexicon. *Words. Concepts. Myths (Lexicology, Etymology, Dialectology)*. Moscow, 2010. P. 47–54. (In Russ.)
 10. Berezovich, E.L. Russian Vocabulary on the Slavic Background: Semantic and Motivational Reconstruction. Moscow, 2014. (In Russ.)
 11. Kachinskaya, I. The Name of the Human Community in the Arkhangel Dialects. *Linguistic Ecology: Problems of Endangered Languages and Cultures in History and Modernity: Proceedings of the International Scientific Conference (19–22.09.2014)*. Stavropol, 2014. P. 147–157. (In Russ.)
 12. Arkhangelsk Region Dialect Dictionary. Moscow, 1980–2018–, vol. 1–19–. (In Russ.)
 13. The File Cabinet of Arkhangelsk Region Dialect Dictionary. Moscow, MSU, Philological Faculty, Russian Language Department.

REFERENCES